

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков

1

В каком смысле? Да в том, что часто жизнь как раз и есть всего лишь Второй режиссер, не больше. Сегодня мы отправимся в кино. Назад, в тридцатые годы, и еще дальше, в двадцатые, и за угол – в «Синема-Палас» старой Европы. Героиня – прославленная певица, Не опера, даже не «Сельская честь», нет, совсем не в том роде. «La Slavka», так ее называли французы. Жанр: на одну десятую цыганщина, на одну седьмую русская деревня (она была по рождению крестьянка) и пять девятых – популярные песни, то есть мешанина из фальшивого фольклора, армейской мелодрамы и казенного патриотизма. Незаполненный остаток уйдет на физическую мощь ее великолепного голоса.

Родившийся в сердце России, по крайней мере географическом, он со временем достиг больших городов, Москвы, Санкт-Петербурга, и царского окружения, где этот жанр высоко ценился. Ее фотография висела в уборной Шалыпина – русский народный головной убор с подвесками из крупных жемчужин, рука подпирает щеку, ослепительные зубы меж полных губ и поперек – крупная корявая надпись: «Тебе, Федюша» Звездчатые снежинки, успевая выявить каждая свою неповторимую симметрию, тихо опускаются и тают на плечах, рукавах, усах и шапках публики, ждущей в очереди, когда откроются кассы. Она до самой смерти всего больше дорожила – или притворялась, будто так ук дорожит, – аляповатой брошью в виде медали, подарком царицы. Это было изделие одной ювелирной фирмы, которая добилась большого коммерческого успеха благодаря тому, что на каждый праздник подносила императорской чете какую-нибудь (год от году все более ценную) эмблему царской власти – то огромный аметист, а на нем усыпанная рубинами бронзовая тройка, точно Ноев ковчег, застрявший на вершине горы Арарат; то на хрустальном шаре размером с арбуз – золотой орел с ромбическими бриллиантовыми распутинскими глазами. (Впоследствии, много лет спустя, наименее символические из этих подарков Советы выставили на Всемирной выставке как зримые черты расцвета своего искусства.)

Если бы все шло так, как тогда представлялось, она бы, возможно, и сегодня пела в натопленном Зале дворянского собрания или в Царском Селе, а я, сидя в глухом степном углу, выключал бы радио, на всю матушку-Сибирь транслирующее ее голос. Но судьба свернула не туда; и когда случилась Революция, а затем Война Красных и Белых, ее расчетливая крестьянская душа выбрала более практичную сторону.

На фоне призрачной атаки призрачной казачьей конницы тают титры с именем второго режиссера. Виден молодецватый генерал Голубков, равнодушно наблюдающий за сражением в театральный бинокль. Когда кинематограф и мы были молоды, то, что открывается взору, нам показывали в двух соприкасающихся кругах-картинках. Теперь не то. Мы только видим, как генерал Голубков, вдруг вострепнувшись, вскакивает в седло, вздергивает на дыбы своего скакуна, застив на мгновенье полнеба, и бешено бросается в гущу битвы.

Но неожиданно обнаруживаются инфракрасные лучи в спектре искусства: вместо общепринятой пулеметной дробы слышно далекое женское пение. Приближается, нарастает и наконец разливается во всю ширь. Роскошное контральто, исполняющее что там в фонотеке подобрал музредатор из русских протяжных песен. Так кто же ведет в бой инфра-Красных? Женщина! Поющая душа этого особого, специально обученного батальона. Она шагает впереди, топчет русскую народную люцерну и распевая песню «Волга-Волга». Отважный молодец и джигит Голубков (теперь мы понимаем, что он углядел в театральный бинокль), хоть и ранен в нескольких местах, на всем скаку подхватывает и увозит ее, буйно отбивающуюся, с поля боя.

Самое странное, что этот пошлый сценарий воплотился в реальной жизни. Я лично знаю по меньшей мере двух надежных свидетелей описанного эпизода; и часовые истории пропустили его, не оспорив. Совсем немного времени прошло, а мы уже видим ее в офицерской столовой, где она сводит собравшихся с ума своей пышной смуглой красой и дикими разудальными песнями. Она была Прекрасная Дама, но не жестокосердая, а трепетно-живая, не в пример Луизе фон Ленц или Зеленой Леди. Это она скрасила им дни общего бегства, которое началось вскоре после ее волшебного появления в лагере генерала Голубкова. Мы видим, как в сумрачном небе зловеще кружат вороны, или галки, или каких там птиц удалось для этой цели

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru раздобыть и одна за другой садятся на усеянную трупами подходящую равнину где-нибудь в штате Калифорния. Вот мертвая рука белого солдата сжимает медальон с портретом матери. А рядом лежит красный солдат, и на его развороченной груди – письмо из дому и то же самое старушечье лицо наплывом поверх тающих строк.

Тут, как положено, контраст: взывает громкая музыка, хлопают в такт ладони, притоптывают сапоги – это гуляет штаб генерала Голубкова. Ходит в танце грациозный грузин с кинжалом, толстобокий самовар сконфуженно отражает искаженные лица, Славская, запрокинув голову, гортанно смеется, и скотски пьяный, жирный военврач (шитый золотым позументом ворот расстегнут, лоснящиеся сальные губы собраны в плотоядный поцелуй) тянется через стол (крупным планом опрокинутый бокал), чтобы обнять – пустоту, так как жилистый, совершенно трезвый генерал Голубков успел подхватить ее и теперь, стоя с ней рядом перед всей честной компанией, холодным ясным голосом объявляет: «Господа, позвольте вам представить мою невесту», – но тут среди наступившей тишины в окно залетает шальная пуля, вдребезги разнеся рассветно голубеющее стекло, и только после этого все громогласно приветствуют славную чету.

Похищение певицы, очевидно, состоялось не на сто процентов случайно. Киностудии не терпят индетерминизма. Еще того очевиднее, что к началу великого исхода, когда они, как и многие, многие другие, вступили на извилистый путь от Сиркеджи – на Моштрассе, а оттуда – на рю Вожирар, генерал и его жена уже составляли пару – одну команду, один шифр, один мотив. Генерал, вполне естественно, становится деятельным членом СБВ (Союза Белого Воинства), повсюду разъезжает, организует военные курсы для русских юношей, устраивает благотворительные концерты, добывает из-под земли бараки для поселения неимущих, разрешает разногласия, и все так скромно, потихоньку. Этот СБВ, я думаю, приносил свою пользу. Но, к несчастью для его духовного благополучия, он оказался не способен оборвать связи с заграничными монархическими группировками и не чувствовал, в отличие от эмигрантской интеллигенции, всю ужасающую вульгарность и первобытный гитлеризм этих хотя и жалких, но подлых организаций. Когда доброжелательные американцы спрашивают у меня теперь, знаком ли я с милейшим полковником Таким-то или с величественным старцем графом Таковским, у меня не хватает духу открыть им неприглядную истину.

Но с СБВ были связаны и люди иного пошиба. Я имею в виду охотников до приключений, также вносивших лепту в общее дело, – тех, что переходили границу где-нибудь в заснеженной еловой чаще, какое-то время слонялись по родной земле, пользуясь легендами, разработанными для них, кстати сказать, бывшими эсерами, и тихо возникали в маленьком парижском кафе «Ешь-Бублики» или в берлинском Кне́йре[1] вообще без названия, имея при себе разные ценные пустяки, какие: привозят шпионы тем, кто их засылает. Иные из них были таинственно замешаны в разведывательную работу других стран, они смешно вздрагивали, если подойдешь сзади и тронешь их за плечо. Были и такие, что занимались этим для забавы. И только двое или трое, наверно, всерьез верили, что своей деятельностью мистическим образом подготавливают возрождение слегка обомшелого, но святого прошлого.

2

Далее мы оказываемся свидетелями зловещей череды однообразных событий. Умирает первый председатель Союза Белого Воинства, который был вождем всего Белого движения и самым достойным человеком из них всех; и в некоторых мрачных симптомах его внезапной болезни просматривается тень отравителя. Следующий председатель, верзила и здоровяк с громовым голосом и головой, как пушечное ядро, был похищен неизвестными лицами; есть основания предполагать, что он погиб, получив слишком большую дозу хлороформа. Третий председатель... но моя киноплёнка бежит чересчур быстро. В действительности на то, чтобы убрать двух первых, ушло семь лет не потому, что такие дела впопыхах не делаются, а из-за неких тонких обстоятельств, требовавших очень точного расчета времени, – так, чтобы мерному восхождению одного отвечало периодическое появление неожиданных вакансий. Это надо пояснить.

Маленький Голубков был не только очень ловким шпионом (тройным агентом, если точнее), но и отчаянным честолюбцем. Почему ему страстно хотелось возглавлять организацию, которая была лишь отсветом заката над погостом, – это головоломка только для тех, кто сам не ведает страстей и увлечений. Хотелось ужасно – и весь сказ. Менее понятно другое: откуда бралась у него уверенность, что он сумеет сберечь свою жалкую жизнь при столкновении могучих противников, от которых он

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru одновременно рисковал принимать деньги и помощь? Здесь мне потребуется все ваше внимание, иначе останутся непонятными некоторые нюансы.

Советы едва ли так уж беспокоила маловероятная угроза того, что призрачная Белая Армия когда-либо возобновит военные действия против их окрепшего могущества; но их, бесспорно, должно было сильно раздражать, что данные об их фабриках и фортификациях, собранные неуловимыми лазутчиками СБВ, с четкостью механизма попадают в благодарные немецкие руки. Немцев мало интересовало невразумительное политическое разноцветье русской эмиграции, но у них не мог не вызывать досаду прямодушный патриотизм председателя СБВ, воздвигавшего время от времени моральные преграды на гладком пути дружеского сотрудничества.

Так что генерал Голубков, оказался просто даром небес. Советы твердо надеялись, что при его председательстве лазутчики СБВ станут им поименно известны и понесут немцам заготовленную для них дезинформацию. А немцы не менее твердо рассчитывали, что благодаря ему смогут внедрить в шпионскую сеть СБВ сколько угодно своих, абсолютно надежных агентов. Ни та, ни другая сторона не заблуждалась насчет голубковской верности, но обе полагали, что сумеют использовать в своих интересах флуктуации его двойной игры. А чаянья простых русских людей, множества работающих семейств в отдаленных углах русской диаспоры, где они занимаются своими скромными, но честными ремеслами, совсем как в Самаре или в Твери, растят хрупких детей и наивно верят, что СБВ – это своего рода Круглый стол короля Артура, воплощение всего, что было и будет милого, здорового и благородного в сказочной России, – все эти фантазии как не идущие к делу, наверно, будут вырезаны из фильма.

Когда СБВ создавался, кандидатура генерала Голубкова на пост председателя стояла в списке (чисто теоретически, разумеется, ведь никто, не думал, что их лидер скоро умрет) далеко не первой – не потому, что сослуживцы-офицеры мало ценили его легендарную отвагу, а просто уж так получилось, что он был в армии самым молодым генералом. Но ко времени выборов второго председателя он уже выказал столь недюжинные организаторские способности, что счел возможным вычеркнуть большинство стоящих впереди фамилий (чем заодно спас этим людям жизнь). Когда же и второй генерал был устранен, многие члены СБВ ожидали, что следующий кандидат, генерал Федченко, отречется в пользу младшего и более дельного товарища и уступит ему это удовольствие, которое причиталось старшему по праву, возраста, репутации и образования. Но старый генерал, полагая удовольствие сомнительным, тем не менее счел малодушием отказываться от поста, уж двоим стоившего жизни. И Голубков, сжав зубы, принялся копать снова.

Внешне он не отличался привлекательностью. В нем не было ничего от лубочного русского генерала, эдакого славного пучеглазого, толстошеего здоровяка. Наоборот, он был худощавый, поджарый, остролицый, усиками щеточкой и стрижка «ежиком», как это называется у русских, то есть короткая, жесткая и торчком. Он носил на волосатом запястье узенький серебряный браслет и, угощая русскими самодельными папиросами или английскими сигаретами «Кэпстен» со сливовым духом, открывал вместительный старый портсигар из черной кожи, который, как можно было понять, сопровождал его сквозь дым неисчислимых сражений. Держался всегда крайне вежливо и совершенно не бросался в глаза.

Когда Славская устраивала «приемы» – обычно в доме у кого-нибудь из своих меценатов, вроде остзейского псевдобарона доктора Бахраха, чья первая жена прославилась когда-то в роли Кармен; или русского старозаветного купца, радостно скупавшего в обезумевшем от инфляции Берлине жилые дома целыми кварталами по десяти фунтов за штуку, – молчаливый супруг скромно прохаживался между гостями: тому принесет бутерброд с колбасой и огурцом, этому – запотевшую стопку водки. И пока Славская поет (а она на таких «дружеских» вечерах пела сидя, подперев щеку кулаком и подставив ладонь под локоть), он, бывало, стоит в сторонке у стены, а то вдруг на цыпочках пробежит за дальней пепельницей и поставит тихонько на широкий подлокотник вашего кресла.

На мой взгляд, он уж чересчур тушевался, переигрывал, привнося в роль даже что-то лакейское, – хотя задним числом это оказалось в самый раз. Он просто пользовался в жизни эффектом контраста и испытывал радостный трепет, когда по неким долгожданным признакам – по наклону головы, по скошенному взгляду – догадывался, что Имярек на том конце зала указывает на него новоприбывшему и с восторгом поясняет, что вот, мол, такой скромный неприметный человек, а ведь сказочный герой, свершавший на легендарной войне невероятные подвиги (в одиночку

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru захватывал города, в таком духе).

3

Немецкие кинокомпании, подобно ядовитым грибам повсеместно выращавшие в те годы (то есть перед тем, как дитя света научилось говорить), нанимали по дешевке русских эмигрантов, чье прошлое было их единственной профессией и единственной надеждой, – иначе говоря, людей как бы нереальных – исполнять в фильмах роль «реальной» публики. Вид этого миража в мираже порождал у чувствительного зрителя ощущение, будто находишься в зеркальной зале, где зеркала повешены одно против другого, или, правильнее сказать, в зеркальной тюрьме, и уже не различаешь, где отражение, а где ты сам.

Теперь, вспоминая берлинские и парижские залы, в которых пела Славская, и типажи, составлявшие ее публику, я словно занимаюсь озвучиванием и раскрашиванием очень старого фильма, где жизнь представляла в виде какой-то серой дрожи, похороны проходили вприпрыжку, и одно только море было чуточку окрашено (в слабо-голубой цвет), а сбоку крутили за ручку машину, производящую несинхронизированный звук шипения прибора. Вот некий плешивый господин с безумным взором, гроза благотворительных комитетов, медленно проплывает через мое поле зрения в сидячей позе пожилого эмбриона и – о чудо! – как раз попадает на стул в заднем ряду. Здесь же и наш знакомец граф в неизменном облике: при высоком воротничке и в грязных гамашах. В первом ряду, не оглядываясь по сторонам, сидит убеленный сединами, но жизнелюбивый батюшка, и крест колышется на его широкой груди.

Участники этих «правых праздников», связанных в моей памяти с именем Славской, – такие же призраки, как и ее публика. Очень подошел бы сюда артист варьете с выдуманным славянским именем, из тех виртуозов гитаристов, которых выпускают в мюзик-холле первым номером; его лакированная гитара в блесках и его небесно-голубые шелковые штаны – это как раз то, что надо. За ним на эстраду мог бы выйти бородатый старый разбойник в поношенном фраке из бывших «Защитников русского народа»; он будет красочно описывать, что учиняют над русскими людьми масоны и израильсоны, эти два семитских племени.

А теперь, дамы и господа, мы имеем честь и удовольствие... И вот уже она на убийственном фоне пальм и национальных флагов, облизывая бледным языком жирно накрашенные губы и непринужденно сцепив на затылке животе руки в лайковых перчатках, стоит и ждет, пока ее постоянный аккомпаниатор невозмутимый Иосиф Левинский, побывавший вместе с нею и в придворном концертном зале у царя, и в салоне товарища Луначарского и в притонах Константинополя, не возведет перед нею ступени беглых вступительных аккордов.

Иной раз, если подбиралась подходящая публика, она начинала с того, что пела российский гимн и только потом переходила к своему узкому, но всегда восторженно принимаемому репертуару. Тут обязательно будет мрачная песня «На старой Калужской дороге» (где на сорок девятой версте стоит сосна, грозой разбитая), и еще другая, которая в немецком переводе, де напечатанном в программке ниже русского текста, начинается словами: «Du bist im Schnee begraben, mein Russland»[2], и старинная народная баллада (сочиненная в восьмидесятые годы неким частным лицом) про атамана разбойников и красавицу персидскую княжну которую он бросает в Волгу, когда товарищи укоряют его в мягкотелости.

Художественный вкус у Славской полностью отсутствовал, техника хромала, общий стиль был – черт знает что. Но люди, для которых музыка и сантименты – одно, которым нужно, чтобы песня, как медиум, вызывала из небытия призраки их личных и неповторимых воспоминаний о былом, эти люди находили в ее оглушительных распевах и ностальгическую усладу, и патриотический восторг. Особенно нравились песни разудалые, буйные. Эта удаль, не будь она такой откровенно нарочитой, могла бы, наверно, уберечь ее от полнейшей вульгарности. Но маленькая, цепкая душонка торчала наружу из каждой песни, и всего ее темперамента хватало разве что на всплеск, но не на вольный поток. В наши дни, когда в каком-нибудь русском доме заводят патефон и с пластинки льется ее контральто, я с содроганием вспоминаю этот рот, широко, всем на обозрение разинутый в притворном вокальном экстазе, и красиво уложенные иссиня-черные волосы, и скрещенные ладони, прижимающие к груди знаменитую медаль в ленточной розетке, когда она кланялась в ответ на овацию, и всю ее широкоплечую крепкую фигуру, прямую даже в поклоне и затаенную в прочный шелк, как в серебряную обертку, – придворная дама Снежного короля или камер-фрейлина в Подводном царстве.

4

Далее вы увидите ее (если цензор не усмотрит в последующих кадрах оскорбления религиозных чувств) в медвяном полумраке набитой людьми русской церкви – она самозабвенно рыдает, стоя на коленях бок о бок с женой (или вдовой? – уж ей-то это точно известно) генерала, чье похищение так четко организовал ее муж и так ловко осуществили безымянные молодцы-профессионалы, которых подослал в Париж Хозяин.

Увидите вы ее и в другой обстановке еще два или три года спустя, она поет в апартемане на рю Жорж Санд, окруженная восхищенными гостями, как вдруг – обратите внимание! – веки у нее приспускаются, гаснет улыбка на поющих губах: это появился ее муж, его задержали последние приготовления в связи с одним делом, и теперь он тихо входит, жестом мягкого укора усаживает на место седовласого полковника, вздумавшего было уступить ему свой стул а жена машинально допекает в десятитысячный раз все ту же песню, а сама щурится (она близорука, как Анна Каренина), высматривая определенный знак, и когда она уже утонула, а его расписные челны уплыли, и предательские круги на реке Волге, что в графстве Самара, расходятся и теряются в беспросветной вечности (ибо то была последняя в ее жизни песня), он подходит к ней и говорит громко, так что слышно сквозь рукоплескания: «Маша, завтра дерево будет срублено».

Эти слова насчет дерева – единственное яркое пятно, какое он себе позволил во всей своей серо-голубиной карьере. И мы простим ему такую невыдержанность, если вспомним, что речь идет о последнем генерале, преграждавшем ему дорогу, и что завтрашняя рубка должна автоматически привести к его, Голубкова, избранию. В то время его друзьям служила предметом безобидных шуток (русский юмор – птица малая и довольствуется крохой) ссора этих двух больших детей из-за развесистого старого дерева, которое она капризно требовала свалить как затеняющее ей окно на загородной вилле, а он говорил, что это ее самый многолетний поклонник (вот остроумно-то!) и потому заслуживает снисхождения. Заметьте, как вон та толстая дама в горностаевом палантине игриво упрекает храброго генерала Голубкова за столь скорую капитуляцию и как Славская, сияя, заключает его в свои холодные, словно студень, объятия.

На следующий день, ближе к вечеру, генерал Голубков сопровождает жену к портнихе, терпеливо ждет там, читая «Пари суар», а потом она посылает его домой – привезти платье, которое она хотела расставить, но забыла захватить. Через подходящие промежутки времени она правдоподобно изображает, будто звонит ему домой, и по телефону бурно руководит поисками. Армянка-закройщица с мастерицей, молоденькой княжной Тумановой, от души потешаются в соседнем помещении над ее богатым арсеналом деревенских ругательств (которыми она дополняет роль, когда исчерпана творческая фантазия). Это шитое белыми нитками алиби не было предназначено для латания прорех задним числом – ибо никаких прорех возникнуть не могло, – просто надо было дать человеку, которого заведомо никому не придет в голову подозревать, возможность отчитаться как положено в своем местопребывании, когда начнут выяснять, кто последним видел генерала Федченко. Наконец перерыты все воображаемые шкафы, генерал Голубков у всех на глазах возвращается с искомым платьем (которое, конечно, загодя было положено в машину). И снова погружается в чтение газеты, а его жена продолжает примерку.

5

Тридцати пяти минут, что он отсутствовал, хватило с лихвой. Когда она начала игру с выключенным телефоном, он уже подобрал генерала Федченко на условленном безлюдном углу и повез на вымышленную конспиративную встречу, предвставленную таким образом, что таинственность оказывалась естественной, а присутствия требовал долг. Через несколько минут Голубков затормозил, и оба вышли. «Улица не та», – заметил генерал Федченко. «Верно, ответил генерал Голубков, – но здесь удобнее оставить машину. У входа в кафе лучше не парковаться. А тут две минуты ходу напрямик по этому переулку». «Хорошо, идемте», – согласился старый генерал и прокашлялся.

В том квартале Парижа улицы носят имена философов, и переулку, которым идут два генерала, некий начитанный отец города дал название – рю Пьер Лабим. Переулок потихоньку забирает в сторону, мимо темного собора, мимо строительных лесов, и приводит нас туда, где стоят какие-то сомнительные особняки с заколоченными окнами, каждый сам по себе позади ограды, за которую цепляются умирающие кленовые листья по пути от голой ветки до мокрого тротуара. Слева тянется

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
длинная стена, на ней сквозь серую штукатурку здесь и там проглядывают
кроссворды кирпичной кладки; и еще в этой стене имеется маленькая зеленая дверь.

Поравнявшись с дверцей, генерал Голубков достает свой заслуженный боевой
портсигар и останавливается, чтобы прикурить. Генерал Федченко, сам некурящий,
как человек вежливый тоже останавливается. Порывистый ветер шелестит сумерками и
задувает первую спичку. «Я все же думаю, – говорит генерал Федченко, продолжая
давешний не очень важный разговор, – я все же думаю (чтобы не стоять молча у
зеленой дверцы), раз отец Федор желает оплачивать эти квартиры из своих средств,
мы, по крайней мере, могли бы взять на себя отопление». Вторая спичка тоже
гаснет. Наконец, растаяла в отдалении спина случайного прохожего. Генерал
Голубков громко чертыхается, проклиная ветер, и так как это – условный сигнал,
зеленая дверца открывается и три пары рук в одно мгновение увлакивают старика с
глаз долой. Дверца захлопывается. Генерал Голубков, раскурив сигарету, уходит
туда, откуда пришел.

Старика с тех пор никто больше не видел. Тихие иностранцы, снимавшие некий тихий
дом сроком на один месяц, были всего лишь безобидные голландцы или датчане. И
вообще это все – обман зрения. Нет там зеленой дверцы, а только серая, да и та
никакими силами не открывается. Я пересмотрел превосходные энциклопедии: не было
такого философа – Пьер Лабим.

Но я видел жабу у нее в глазах. Существует русская пословица: «Всего двое и есть
– смерть да совесть». Что трогательно в человеке, это – что можно иногда не
ведая поступить хорошо, но всегда сознаешь, если поступаешь дурно. Один страшный
злодей, у которого жена была еще пущей злодейкой, признался мне, когда я был
священником: больше всего его мучил тайный стыд, что стыдно спросить у жены,
может, она в глубине души презирает его или тайно подозревает, что, может, он в
глубине души презирает ее. Поэтому я хорошо знаю, какие лица были у генерала
Голубкова и его супруги, когда они наконец остались наедине.

6

Впрочем, ненадолго. Часов в десять вечера генерал Р. уведомил генерала Л.,
секретаря СБВ, что госпожа Федченко крайне обеспокоена непонятным отсутствием
мужа. Только тут генерал Л. вспомнил, что в обед их председатель сказал ему без
особого нажима (такая у старика была манера), что вечером у него дело в городе и
если к восьми он не вернется, пусть генерал Л. прочтет записку, которая лежит в
среднем ящике председательского стола. Два генерала со всех ног бросились в
помещение Союза, потом обратно за ключом, так как генерал Л. его забыл
захватить, и снова в помещение Союза, где наконец достали записку. Там было
написано: «Не могу избавиться от странного чувства, за которое потом мне будет,
наверно, стыдно. На 5.30 у меня назначена встреча в кафе, дом № 45, рю Декарт.
Там я должен увидеться с осведомителем противной стороны. Я подозреваю ловушку.
Все устроено генералом Голубковым, и он везет меня в своем автомобиле».

Что сказал генерал Л. и что ответил генерал Р., я опускаю. По-видимому, оба
соображали довольно медленно, потому что потратили еще какое-то время на
маловразумительный телефонный разговор с негодующим владельцем кафе. Была уже
почти полночь, когда Славская, в цветастом халате и якобы спросонья, отперла им
дверь. Ей не хотелось бы тревожить мужа – по ее словам, он уже спал. А в чем,
она поинтересовалась, дело? Не случилось ли чего с генералом Федченко? «Он
исчез», – ответил честный генерал Л. «Ах!» – произнесла Славская и грохнулась в
глубоком обмороке, чуть ли не переломав в гостиной мебель. Все-таки сцена
потеряла в ее лице не так много, как полагало большинство ее поклонников.

Двое генералов сумели сдержаться и не рассказать генералу Голубкову про записку,
и он, отправляясь с ними в помещение СБВ, думал, что его просто позвали
обсудить, следует ли сразу обратиться в полицию или сначала спросить совета у
восьмидесятивосьмилетнего адмирала Громобоева, который почему-то почитался царем
Соломоном Союза.

– Как это надо понимать? – спросил генерал Л., протянув Голубкову
разоблачительную бумагу. – Вот, прошу ознакомиться,

Голубков ознакомился – и сразу понял, что все пропало. Не будем заглядывать в
бездну охвативших его чувств. Он возвратил записку и пожал худыми плечами.

– Если это действительно писано генералом – а похоже, надо признать, что почерк

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru его, – мне остается только выдвинуть предположение, что кто-то действовал, приняв мое обличье. У меня есть, однако, основания надеяться, что я смогу оправдаться перед адмиралом Громобоевым. Предлагаю немедленно отправиться к нему.

– Да, – сказал генерал Л., – поедemте прямо сейчас, хотя уже очень поздно.

Генерал Голубков набросил на плечи шуршащий макинтош и вышел первым. Генерал Р. помог генералу Л. разыскать кашне, которое сползло на пол с банкетки уж эта конторская мебель, она уготована для служения вещам, а не людям. Генерал Л. со вздохом обеими руками насадил на голову старую фетровую шляпу. И двинулся к дверям.

– Одну минуту, генерал, – тихо окликнул его генерал Р. – Я хочу у вас спросить... Как офицер офицеру, вы абсолютно уверены, что... ну, что генерал Голубков говорит правду?

– Это мы сейчас узнаем, ответил генерал Л., он был из тех, кто убеждены, что всякое высказывание, будучи высказыванием, заведомо не бессмысленно.

В дверях они замешкались, любезно пропуская один другого вперед. Наконец тот, что был чуть постарше, принял на себя первенство и молодецки шагнул через порог. За дверью оба остановились: на лестнице было что-то уж слишком тихо. «Генерал!» – крикнул вниз генерал Л. Они переглянулись. И торопливо, неуклюже топоча, сбегали по черным ступеням, выскочили под ночную морось, посмотрели направо, посмотрели налево и потом снова уставились друг на друга.

Она была арестована назавтра рано утром. И в течение всего следствия ни разу не вышла из роли потрясенной горем невинности. Французская полиция выказала при расследовании довольно странную пассивность, словно пропажа русских генералов – это такая туземная особенность, восточный феномен растворения в воздухе, лучше бы он, конечно, не имел места, да поди ему воспрепятствуй. Впрочем, кажется, в Surete о том, как делаются такие фокусы с исчезновением людей, знали больше, чем дозволялось говорить вслух по дипломатическим соображениям. Заграничные газеты подавали всю эту историю в шутливо-сочувственной и слегка брезгливой манере, потому что надоело, заголовки «L'affaire Slavska» не наделали особого шума – тема русской эмиграции уже, бесспорно, исчерпала себя. По забавному совпадению, германское и советское агентства новостей одновременно дали краткие сообщения о том, что в Париже два русских белых генерала скрылись, похитив все средства Белой Армии.

7

Суд прошел на удивление скомканно и нечетко, свидетели далеко не блистали, а обвинительный приговор Славской за похищение был юридически сомнителен. Без конца всплывали затемняющие дело несущественные подробности. Показания, которые следовало давать, давали не те, кому следовало их давать. И наоборот. Отыскался подписанный неким Гастоном Дуло, фермером, счет «pour un arbre abattu»[3]. Генерал Л. и генерал Р. натерпелись горя от садиста адвоката. Парижский клошар, из тех живописных небритых созданий с переспелыми носами (легко поддающихся гримировке), которые все свое несут с собой в бездонных карманах, на ступни навораживают слой за слоем расплзающиеся газеты, расставшись с последним носком, и посиживают с бутылкой, раскинув ноги, у облезлой стены какого-нибудь от века недостроенного здания, очень красочно описал сцену дурного обращения с пожилым господином, которую наблюдал со своего укромного места. Две русские дамы, из них одна недавно лечившаяся от острой истерии, показали, что в день преступления видели генерала Федченко и генерала Голубкова едущими в автомобиле последнего. Один русский скрипач, находившийся в вагоне-ресторане немецкого поезда... Но к чему пересказывать все эти сплетни?

Напоследок – несколько кадров Славской в тюрьме. Вот она кротко сидит в углу и вяжет. Вот пишет, вспрыскивая слезами, письма мадам Федченко, в которых утверждает, что они теперь сестры, ведь у них у обеих мужья схвачены большевиками. Умоляет, чтобы ей разрешили пользоваться губной помадой. Рыдает и молится в объятиях бледной молоденькой русской монахини та приехала рассказать, что ей было видение, подтвердившее невинность генерала Голубкова. Требуется, чтобы ей возвратили ее Новый Завет, а полиция не дает, прячет, правда, не от нее, а от следствия, чьи эксперты чуть было не расшифровали некие пометы на полях Евангелия от Святого Иоанна. Вскоре после начала второй мировой войны у

Второй режиссер. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
нее выявилась какая-то внутренняя болезнь, и когда однажды летним утром в
тюрьменном лазарете появились три немецких офицера и пожелали немедленно ее
увидеть, им ответили, что она умерла, – и это, возможно, была правда.

Бостон, 1943 г.

Примечания

1 Погребок, бар (нем.)

2 Замело тебя снегом, Россия (нем.)

3 За срубленное дерево (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!